53(092)

ВОСПОМИНАНИЯ О С. И. ВАВИЛОВЕ

С. Н. Ржевкин

Я познакомился с Сергеем Ивановичем в 1911 г. еще студентом 2-го курса, когда мы оба, увлеченные рассказами о работах Физической школы Петра Николаевича Лебедева, ведущихся большой группой его учеников в знаменитом «подвале» Физического института, обратились к помощнику Петра Николаевича по научной работе — Петру Петровичу Лазареву — с просьбой допустить нас к занятиям в лаборатории. Мы были приняты, но начать работать не успели. Развернулись бурные события. Как раз в это время произошел разгром университета, проведенный министром народного образования Кассо. В результате этих событий П. Н. Лебедев подал в отставку и со всеми своими сотрудниками и учениками покинул Московский университет. Он перенес свою работу в Народный университет им. Шанявского, помещавшийся на Волхонке в здании бывших Голицинских сельско-хозяйственных курсов, где П. П. Лазарев заведовал кафедрой физики.

В физической лаборатории Университета им. Шанявского начали работать, кроме С. И. Вавилова и меня, еще многие начинающие физики (А. Г. Калашников, Э. В. Шпольский, Т. К. Молодый, К. А. Леонтьев, С. Я. Турлыгин, Н. Т. Федоров и другие). Вдоль стен большого зала физического кабинета мы строили индивидуальные фанерные кабинки, мастерили столы и полки, своими руками выполняли токарные и стеклодувные работы, бегали по магазинам и покупали материалы, в результате чего создавались самодельные исследовательские установки. Сергей Иванович налаживал работу по изучению фотохимических процессов, а я — по изучению скачка температуры на границе твердого тела и разреженного газа.

Осенью 1911 г. вступила в строй лаборатория П. Н. Лебедева (в Мертвом пер., дом № 20), организованная на средства Общества им. Леденцова. Сергей Иванович и я перешли работать в эту лабораторию. В этом же доме поселились П. Н. Лебедев и П. П. Лазарев. В стенах этой лаборатории Сергей Иванович сделал первый опыт организации самостоятельного физического коллоквиума, в котором охотно приняли участие многие молодые физики. Мы все хорошо знаем и помним прекрасные по форме и содержанию выступления Сергея Ивановича на различных научных и общественных собраниях, в период его деятельности в течение последних 20 лет жизни. И вот сейчас я почти не верю своим воспоминаниям о первых научных докладах Сергея Ивановича в студенческие годы. Он совершенно не умел владеть речью, произносимые слова были неразборчивы, смысл выступлений с трудом воспринимался слушателями. Но всех нас пленяла его эрудиция, уменье подсказать пути исследования и литера-

турные данные в самых разнообразных вопросах, желание создать атмосферу коллективной научной работы. В дальнейшем, путем практики и сознательных усилий, Сергей Иванович достиг совершенных форм лекторского и ораторского мастерства.

Выпускные экзамены в университете мы держали весной 1914 г. Вспоминаю, что мы вместе с Сергеем Ивановичем готовились к экзамену по теории чисел у него на квартире, в доме его родителей на Пресне. Все другие экзамены не представляли для нас больших трудностей, но теория чисел была камнем преткновения. К этому предмету не лежала душа, а в таких условиях любой предмет становится труднопостижимым. Для работы в области экспериментальной физики, к чему мы оба имели стремление, теория чисел — предмет малополезный. Конечно, мы одолели всю премудрость и сдали экзамен на пятерки, но в душе не осталось воспоминания о ценности этого раздела математики.

Сразу после окончания университета в июне 1914 г. нам предстоял призыв на военную службу. Диплом высшего учебного заведения давал право прохождения службы в военной части по выбору, вольноопределяющимся. Сергей Иванович был зачислен в 25-й саперный батальон в г. Старице, а я — в Гренадерский саперный батальон в Москве. Сразу после нашего зачисления обе наши воинские части выехали в Любутский лагерь, расположенный на берегу р. Оки, неподалеку от г. Алексина. Здесь нас подвергли тяжелой военной муштровке, в процессе которой часто страдало самолюбие, поскольку к интеллигентам в армии относились с нарочитым пренебрежением и часто преднамеренно унижали. В этом отличались как офицеры, так, особенно, и унтер-офицеры — наши непосредственные наставники. Была в военной муштровке и положительная сторона — человек приучался понимать силу сплоченного путем дисциплины коллектива и приходил к сознанию, что не следует считать только себя, индивидуально, венцом создания, а неизбежно следует примириться с ролью небольшого винтика в огромном механизме.

В свободные дни мы регулярно встречались с Сергеем Ивановичем и отводили душу в беседах по физике. Однажды, в самом конце июля (по старому стилю), мы совершили прогулку в гости к Торичану Павловичу Кравецу, который жил тогда на даче под Алексином. День, проведенный в обществе этого прекрасного человека, одаренного физика, одного из талантливейших учеников П. Н. Лебедева, надолго остался в памяти, и в дальнейшем мы часто вспоминали с Сергеем Ивановичем эту встречу.

Через два дня грянула война. В одну ночь мы совершили марш в 35 километров с полной нагрузкой и винтовками на плече до Калуги. А далее нас захватил вихрь военных событий. Сергей Иванович сразу попал на фронт в район г. Люблина в Польше и получил боевое крещение в первых же боях. Я остался в Москве, в запасном телеграфном батальоне, и был направлен на Северный фронт лишь в 1916 г. (уже будучи в чине прапорщика инженерных войск), принимал участие в боевых действиях под Ригой. В конечном счете как Сергей Иванович, так и я были зачислены в радиотелеграфные части и закончили войну в должностях начальников полевых радиостанций. На фотографии С. И. Вавилов — прапорщик инженерных войск (1916 г.).

В дни военной разрухи, перед Брестским миром, Сергей Иванович попал в плен к немцам, но ему посчастливилось встретиться с немецким офицером, который оказался физиком по образованию, и как коллега, легко отпустил Сергея Ивановича под свою ответственность. Дисциплина в немецкой армии тогда сильно расшаталась, и Сергей Иванович пешком пробрался через беспорядочную линию фронта. Он неожиданно появился

в Москве весной 1918 г., когда уже все считали, что он в плену в Германии.

Сергей Иванович пригласил меня и Бориса Владимировича Ильина, тоже вернувшегося с фронта, жить у него на Пресне, в доме своих родителей. Это очень помогло нам, поскольку устроиться с квартирой в Москве в те годы было крайне трудно. В его доме я познакомился со старшим братом, Николаем Ивановичем, очень интересным человеком, в те годы уже завоевавшим себе имя крупного ученого в области ботаники.

В начале 1919 г. Сергей Иванович сообщил нам, своим товарищам-физикам, что собирается жениться, и по этому случаю устроил на Пресне «мальчишник», на котором нас было человек десять. Вскоре после свадьбы

мы все познакомились с супругой Сергея Ивановича Ольгой Михайловной Багриновской, обаятельной, культурнейшей женщиной. Моя семья была в дальнейшем очень дружна с семьей Сергея Ивановича; наши дети несколько лет подряд ходили вместе в детский сад. В 20-е и 30-е годы мы часто встречались с Сергеем Ивановичем и Ольгой Михайловной в кругу друзей, в наших семьях и семьях П. Н. Беликова, А. К. Трапезникова, Н. Т. Федорова, С. В. Кравкова, Э. В. Шпольского, П. В. Шмакова. Почти традиционными были встречи Нового года и Татьянина дня на даче у П. В. Шмакова (его супругу звали Татьяной Ивановной), где вся компания оставалась до утра.

Начиная с 1919 г. я постоянно виделся с Сергеем Ивановичем в Институте физики и биофизики на Миусской площади, где он стал научным сотрудником. Годы войны в научном отношении не были для него напрасной потерей времени. Он выполнил на фронте научную работу в области радиофизики, а фронтовые будни использовал для систематической работы

по совершенствованию своих знаний в области физики. В 20-е годы Сергей Иванович уже становится руководителем начинающих физиков и профессором Лесотехнического института; под его руководством начинает работать Вадим Леонидович Левшин. Сергей Иванович открывает серию своих блестящих работ по воздействию света на вещество и по люминесценции. В этот период, когда Сергею Ивановичу было всего 30 лет: всем становилось ясно, что он займет крупное место в науке.

Эти немногие воспоминания о дружеских встречах в дни нашей молодости я посвящаю памяти Сергея Ивановича, безвременно покинувшего нас в расцвете творческих сил и сгоревшего под бременем колоссальной работы, которую он нес во славу русской науки.